

descriptives, regulatives and expressives as basic «roles» of words. The third paradigm gives particular attention to the special stratum of language categories — concepts that are responsible for the incorporation of «language life» into the «culture life» of a given society.

I propose to synthesize three mentioned paradigms with the help of systemic-communicative model of language. Then the problem of revealing the categorical basis of natural languages will appear not as a problem of partitioning for words, their functions or significances. Instead, we speak about united, coherent basis of categories, which is elaborated, fixed and accepted by communicative society. The system-forming factor for such a union is the pragmatics of language. The choice of communicative goals and dialog «genres» will imply the choice of language formalization types — as intended for knowledge («form — image»), for activity («form — rule»), for sensory-emotional state of communicators. The special importance in the proposed synthesis plays the acceptance of communicatively equal significance of two complementary subsystems of language functioning, namely addresser and addressee subsystems.

Key words: language categories, communicative system language model, communication pragmatic, language pragmatic, constatives, regulatives, expressives.

Стаття отримано 15.09.2013 р.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.162.1]’26’27’373.34

БУДНЯК Данута Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и компаративистики
Института неологологии и междисциплинарных исследований Седлецкого
гуманитарно-естествоведческого университета; Седльце, Польша;
e-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl; тел.: +48-41-332-31-74; моб.: +48-604-456-266

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается лексический состав русского, украинского и польского языков с точки зрения диахронии. Непрерывное развитие лексики связано с изменениями, которые происходят в общественной, политической, экономической, научной и культурной жизни общества, в котором живут носители языков. Установлено, что с изменением социальных условий жизни и развитием научных и гуманитарных знаний, культуры, спорта в конце XX — начале XXI в.в. в странах основного распространения исследованных языков состав ряда тематических групп значительно изменился. Ряд тематических групп политического, хозяйственно-экономического, культурологического, научного и научно-образовательного дискурсов пополнился, с одной стороны, многочисленными историзмами, с другой — неологизмами. В языках, которые мы сопоставляем, появляются единицы, называющие понятия новых цивилизационных, научных, культурных, гуманитарных ценностей всего мира. Появление многих современных неологизмов обусловлено углублением знаний в области космоса, компьютерной техники, новых средств связи и передачи информации. Употребляется лексика, бывшая ранее на периферии языкового сознания в пассивном словаре: устаревшие слова, называющие возрождающиеся реалии дореволюционной эпохи, единицы религиозного дискурса и др. В активном запасе украинского языка нередко усваиваются слова диалектной речи.

Ключевые слова: социолингвистика, язык эпохи социальных преобразований, историзм, неологизм, активное употребление слова, русский язык, украинский язык, польский язык.

Целью данной статьи является описание результатов исследования влияния социальных и общих цивилизационных процессов в мире на развитие родственных русского, украинского и польского языков в эпоху социальных преобразований конца XX — начала XXI в.в. в странах основного распространения этих языков.

С точки зрения социолингвистики, современные русский и украинский языки имеют черты, свойственные языкам периодов социальных (в том числе и революционных) преобразований. Эти языки активно отражают динамику социальных преобразований и неоднозначные реакции носителей на них. Заметными при этом в обществоведческом дискурсе являются процессы увеличения роли средств массовой информации в формировании языка эпохи и тезауруса личности; активизации лексикографической практики как реакции на изменения в словарном составе языков; борьбы старых и новых культурно-языковых тенденций, сопровождающейся трансформацией языкового вкуса; а также наличие богатого набора средств «революционного фразёрства».

В конце XX века в лексике русского, украинского и польского языков наблюдаются активные процессы, которые отражают изменения социально-культурного, научно-политического и политико-идеологического уклада жизни общества. В близкородственных языках эти процессы стимулируют как схожие, так и различные лингвистические проявления. Обновление словарного состава языка (и, как следствие, тезауруса языковой личности) всегда вызывало особый интерес. Анализ этих процессов в русском и украинском языках конца XX века получает не всегда однозначную оценку. По-разному оценивается степень и глубина этих изменений. В русском языкознании наиболее распространённым является мнение, что языковое чутьё «спокойных» 60–70-х годов радикально отличается от языковой ситуации 90-х. «За десять лет мы не стали говорить совершенно иначе, чем до перестройки, но язык наш за минувшее десятилетие изменился решительно, примерно так же, как русский язык начала XX века, язык Чехова и Блока, изменился под влиянием революции, гражданской войны, нэпа и становления социалистической формации» [8, с. 118].

В украинском языкознании акцентируется внимание на том, что исторические события конца XX века отразились не только на процессах политического, экономического или социального устройства целого ряда государств, в том числе и Украины. Они коснулись и языка. Однако следует отметить, что язык по отношению к указанному виду явлений занимает абсолютно независимое, особое место» [3, с. 7].

Кроме того, принимаем во внимание положение о том, что структура словаря, словарного состава представляет собой один из компонентов картины мира, тесно связана с ней [7, с. 259]. Значит, изменения в словарном составе (лексике) опосредовано свидетельствуют об изменении в некоторых фрагментах концептуальных и языковых картинах мира, о динамике изменений в структуре языковой личности. Для языка свойственно варьирование, оно является его онтологической характеристикой. Различают парадигматическое варьирование (вариантность), обусловленное дивергентным развитием родственных языков, и синтагматическое варьирование (вариативность), вызываемое условиями дистрибуции, местом положения меньшей по формату лингвистической единицы в составе большей и определяющее способ реализации единиц языка в речи. Оба типа варьирования, однако, не приводят к распаду системы языка, но создают предпосылки для формирования дифференциальных черт, присущих языку в целом. Язык соединяет в себе оба противоположных свойства: в качестве единого языка дробиться внутри одной и той же нации на бесконечное множество языков, а в качестве этого множества сохранять единство, придающее ему определённый отличительный характер по сравнению с языками других наций. Варьирование слова, как показали исследования различных языков: русского [2, с. 44; 11]; немецкого [10, с. 8–9], английского [16, с. 77], французского [15, с. 91] и других, — представляет собой одну из лингвистических универсалий. Если оно составляет существеннейшую черту литературного языка, с его нормированностью, письменно закреплёнными традициями словоупотребления, то особой продуктивностью варьирование слова характеризуется в сфере диалектного языка, где варианты лексических единиц способствует ряд благоприятных факторов: устная форма бытования диалекта и связанная с этим широта норм словоупотребления, воздействие на диалекты литературного языка и обусловленное этим воздействием двуязычие, взаимодействие говоров с иными диалектами и вызванная этим интеграция разнодиалектных лексем, влияние на говор иноязычной стихии и вариантность заимствованного слова как результат его адаптации русским говором и т. д. Отсюда понятно проявление интереса в истекшее десятилетие к изучению варьирования слова в системе диалекта.

Вышли из активного употребления названия органов государственного управления, некоторых других учреждений: рус.: *ВС СССР, ДОСААФ, КГБ, райком комсомола* и под.; укр.: *Рада міністрів УРСР, Центральний Комітет Комуністичної партії Української Радянської Соціалістичної республіки ЦК ЛКСМУ* и под.; названия некоторых должностей, связанных со старой административной структурой: *замполит, пионервожатый, секретарь обкома КПСС, член политбюро ЦК КПСС* и под.; укр.: *інструктор райкому, комсомолу, парторг, Перший Секретар Центрального Комітету Комуністичної партії УРСР* и под.; названия членов массовых (политических и общественных) организаций: рус.: *комсомолец, октябрёнок, пионер, член КПСС*; укр.: *жовтень, комуніст, піонер, член ЛКСМ* и под. Со сменой социально-идеологических ориентиров устарели единицы, называющие многие реалии, связанные с исчезнувшими массовыми организациями: рус.: *Дворец пионеров, коммунистический субботник, комсомольская свадьба, октябрятская звёздочка, партийный наставник, пионерский патруль* и под.; укр.: *Ленінський залік, народна дружина, піонерський табір, студентський будагін* и под.

В разряд историзмов перешли наименования почётных званий и должностей советского периода, напр.: рус.: *Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР* и под.; укр.: *Голова Співки письменників УРСР, заслужений хлібороб УРСР, почесний член піонерської дружини* и под.

Лексика языка и тезаурус языковой личности пополнились единицами, отражающими изменения в жизни общества. Это: названия новых органов власти, напр.: рус.: *Президент, губернатор, Дума, районная администрация, Совет Федерации* и под.; укр.: *Адміністрація Президента, Кабінет Міністрів, податкова адміністрація, представник Президента* и под.; новые реалии политической жизни, социального устройства, идеологии: рус.: *авторитаризм, административно-командный, антиноменклатурный, департизация, конфронтировать, посткоммунистический фундаменталист* и др.; укр.: *багатопартійний, мажоритарний виборчий округ, парламентська більшість, сепаратизм, унітарна держава* и др.; термины экономики, финансового дела: рус.: *акционирование, акционерско-биржевой, антирыночник, бартер, бартерный, брокер, безвалютный, бизнес-центр*; укр.: *банкомат, біржєві торги, вільна економічна зона, гривня, квоти, лізинг, транш, умовні одиниці* и др.

Кроме единиц, именующих понятия новых политических и экономических реалий, появляются единицы, называющие понятия новых цивилизационных, научных, культурных, гуманитарных ценностей, появляющихся во всём мире: рус.: *биоэкрэн, клонирование, компьютеризация, компьютеризик, ксерокопирование, ксерокс, факс; андсграунд, баскетбольная лига, ди-джей, диск-жокей, дискотека, кикбоксинг, пауэрлифтинг, раскрутка, рок-клуб, шоу, шоу-бизнес* и под.; укр.: *віртуальний простір, Інтернет, компактдиск, мультимедіа, принтер, суперкомп'ютер; аудіоальбом, відеокліп, гейм, перший (спортивний) дивізіон, поп-зірка, попса, продюсер, продюсерська агенція, сет, сноуборд, трансферний обмін (гравців)* и др. К этой же группе относится новая медицинская терминология и наименования новых бытовых предметов и процессов, продуктов питания: рус.: *адидашка, акупуunkturа, антиспидовский, гамбургер, йогурт, мануальный, слассы, СПИД, хоспис* и многие другие;

укр.: *ВІЛ-інфекція, кенгурушки, мерседес, сервіс, СНІД, фітоаптека, фотополімерне пломбування, чизбургер* и под.; а также примыкают термины сферы паранормальных явлений: рус.: *астральное тело, инопланетяне, НЛО, полтергейст, телекинез, телекинетический, целитель* и др.

Вошла в активное употребление лексика, бывшая ранее на периферии языкового сознания в пассивном словаре: устаревшие слова, относящиеся к реалиям дореволюционного времени, религиозному дискурсу и др. Активизация узуса подобных ЛСВ объясняется имеющими место тенденциями: 1) вернуть в общество традиционный уклад жизни; 2) противодействовать в социокультурной сфере социалистическому укладу жизни; 3) минимизировать употребление иноязычных заимствований (последняя тенденция более присуща русскому языку). Напр.: *акциз, атаман, аудитор, благотворительность, думец, кадетский, казачество, казна, казнокрад, корпус, меценат, милостыня, праведник, престол, призрение, прислуга, приют, святой, чиновник* и под. Данный процесс особенно актуален.

В активный запас украинского языка входят исконные слова, сохранившиеся в диалектной речи и вытесненные из общего употребления полонизмами, русизмами и другими заимствованиями. Одновременно происходит замена отдельных фонетических и орфографических норм. Например: *габарит, Гельсінкі, глинець, гніт, данці, завідувач, збіжжя, мистець, пластуни, пошукувач, правник, співтовариство, часопис* и под. В лексический состав украинского языка входит некоторое (правда, незначительное) количество слов из языка диаспоры, которые появились и функционируют в нём под влиянием идеи языкового пуризма [1, с. 306]. Ряд таких слов получил распространение в языке СМИ: *довкілля, світлина, пылосмок, летовище* и др. «Коррекция тезауруса» вызывает неоднозначную реакцию говорящих, определённое их сопротивление: «Нині, коли мова діаспори не коновками чи циберками, а цілими цистернами вливається у вітчизняні діалекти, виникають певні проблеми: деякі наші слова і вирази можуть бути хибно сприйняті, наші земляки можуть їх неправильно зрозуміти... Проте, з гордістю можу справедливо стверджувати саме я, Хведосій Степанович Чичка, перший збачнув секрети еміграційної мови і переклав на цю мову «Ой, три шляхи...» Шевченка. Трьох гостинців під тов горів /накупі сі схопит...» [12, с. 23]. Отмечается, что при не очень значительных отличиях в системах правописания материкового и диаспорного вариантов украинского языка они значительно отличаются лексикой и некоторыми специфическими синтаксическими конструкциями [9, с. 149]. Динамика вхождения единиц «языка диаспоры» в реальный дискурс (из произведений художественной литературы, публицистики, языка СМИ) увеличивается, наблюдается и изменение отношения личности к их усвоению, так как она уже не ощущает характерного для старших поколений «противопоставления с идеологических позиций — «украинское советское!» — «украинское националистическое!»».

В отличие от русского языка 1990-х годов, в литературный украинский язык проникает диалектная национально-фольклорная лексика. Это способствует оживлению языка, уменьшает разрыв между книжной и устной речью, увеличивает синонимическое богатство. Одна из причин этого процесса — необходимость заполнить языковые ниши, особенно терминологические.

В активное употребление вошла лексика, которая ранее стойко ассоциировалась с категориями буржуазного общества, а теперь обозначает и наши реалии: рус.: *банкир, безработица, бизнес, бизнесмен, забастовка, инфляция, капитал, коррупция, мафия, многопартийность, немущий, стачки* и др.; укр.: *вілла, гіперінфляція, застава майна, кілер, корпорація, ломбард, олігарх, офіс, фермер* и др. Среди слов этой макрогруппы можно выделить несколько микрогрупп, среди которых, например, наименования структур, явлений, заимствованных из сферы социально-политического устройства зарубежных стран: рус.: *департамент, мэр, мэрия, муниципалитет, парламент* и под.; укр.: *асоціація, менеджер, президент, спікер* и др.; наименования «вернувшихся» в жизнь нашего общества реалий: рус.: *гильдия, градоначальник, губернатор, гувернёр, лицей, паломничество* и др.; укр.: *Великий ніст, гімназія, козацький курінь, сотник, хресний хід* и др.; польск.: *administracja domu, pracownik administracji, administrator dóbr, administrator domu* и др.; конфессиональная лексика: рус.: *благодать, вера, ангел, грех, заповедь, литургия, милосердие*; польск.: *bóstwo, kultura, przyciąg religii, kultura religij, praktyki religijne, relikwia, relikwiarz*; лексика возвратившихся экономических условий: рус.: *предприниматель, биржа, торги, аукцион, частная собственность, средний класс* и др.; польск.: *krzyżys ekonomiczny, ekonomiczne działanie, przedsiębiorca, fabrykant, przemyślowiec* и др.

Как отмечают исследователи, неологизмы нашего времени — это особое незамкнутое «сообщество» слов, появляющихся в соответствии с общими законами развития языка [5, с. 46]. К категории «новых» слов относятся: 1) новые слова и переименования, служащие средством номинации новых реалий; 2) старые переосмысленные слова; 3) новые заимствования; 4) слова, пережившие процесс актуализации, т. е. перехода из пассивного словаря в активный или из узкой сферы существования в обиходное употребление (ранее они могли быть диалектизмами или профессионализмами, устаревшими словами и экзотизмами) [6, с. 58–69].

Рассматривая особенности языка конца XX века, так или иначе необходимо принимать во внимание проявляющийся в работах «современников» определённый субъективизм, обусловленный множеством факторов, включающих и языковой вкус, и внутреннюю «идеологию» исследователя. Языковые особенности 90-х годов ещё не «отстоялись». Достаточно сложно определить, какие изменения в лексическом составе будут иметь продолжение или заметные последствия и воздействие на лексику, а какие окажутся ограниченными во времени и по месту, станут конъюнктурно обусловленными. «Никогда нельзя забывать, в какой мере каждый новый факт в языке нестойкий. В языке нет стойких, постоянных приобретений, которые обеспечивают богатство усвоившего их языка, всякое приобретение ненадёжно и чаще всего уравновешивается потерей» [4, с. 315].

Широкое распространение получили наименования, связанные с развитием сельского хозяйства. Одни устаревали уже в советское время: рус.: *комбед, продналог, продразвёрстка, сельхозкоммуна* и др.; другие — в 1990-е годы: *колхоз, колхозник, колхозница, совхоз, совхозный рабочий, трудодень* и под.; некоторые из них функционируют и сегодня наряду с новыми словами: *агроном, автопоилка, буртоукладчик, питательные гранулы, дождевальная установка, электропоилка, фермер, фермерское хозяйство* и др. [13, с. 112]. Ср. с польск.: *obrać rolę, osiąść na roli, gospodarka rolna, agrarny, reforma rolna, wywłaszczenie, rozparcelowanie przez państwo wielkiej własności ziemskiej żeński klasztor, szkoła żeńska* [17, с. 1030].

В словаре находят повседневное отражение достижения научно-технического прогресса в науке, производстве, сельском хозяйстве. Возникают десятки новых профессий и их наименования, всё активнее используемые для обозначения параллельных женских профессий (преимущественно в разговорной речи): *автокарицик — автокарицица, программист — программистка, табуляторицик — табуляторицица* и др. [14, с. 96].

Историческое развитие общества, развитие науки и техники, литературы и искусства, изменения в повседневной жизни вызывают появление новых слов, которые называются неологизмами. В 1970-е годы появились такие слова, как: *фломастер* (стержень для письма и рисования), *тренажёр* (учебный аппарат для отработки каких-либо навыков), *флорист* (художник, создающий композиции из засушенных цветов и листьев) и др., а также сложные слова типа *фотоклуб, телеклуб, фотокадр* (отдельный фотоснимок), *телепередача*. В 1980-е годы стали широко употребляться слова *прилунение, луноход, стекловата, бетонка, пылесос, пылесосить* и др. В разговорной речи широкое распространение получили слова *велик, телек, трён* (шутливая болтовня), *чешки* (лёгкая спортивная обувь) и др. Сегодня эти слова полностью освоены русским языком. Часть из них постепенно устаревает.

Входят в русский и польский литературные языки самые разнообразие научные термины. В конце XX — начале XXI в.в. появились новые науки; их названия активно входят в речь, напр.: *атлантология — атлантолог, биогеоценология, бионика, вулканология — вулканолог, гидромелиорация — гидромелиоратор, дельфинология — дельфинолог, кардиохирургия — кардиохирург, микроэлектроника, нефрология — нефролог* и множество других [13, с. 58–59]. Большое количество подобных слов связано с расширением познаний в области космоса, компьютерной техники, Интернета. Разные группы новых слов отражают процессы развития культуры, спорта, быта, напр.: рус.: *народный театр, аэробика, биатлон, сёрфинг, сноубордист, элитное жильё, моющий пылесос, фастфуд* и т. д.; польск.: *sporty wodne, imprezy sportowe, totalizator sportowy, teatry narodowe, kultura ludowa, kultura socjalistyczna, ognisko kultury, park kultury, kulturę językowa, działacz kulturalny*.

Таким образом, лексический состав сопоставленных нами русского, украинского и польского языков находится в состоянии непрерывного движения. В лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной, политической, экономической, научной, производственно-технической, культурной жизни общества, быте людей.

На протяжении XIX — XX веков более яркие очертания получают тенденции к интернационализации и терминологизации словарного состава, которые свойственны этим славянским языкам в настоящее время. Разумеется, появление большого количества неологизмов, их характер и многие семантико-стилистические сдвиги слов обусловлены не столько внутренними закономерностями развития языка, сколько экстралингвальными факторами: особенностями эпохи, социальными и материальными процессами, развитием науки, техники, культуры.

Литература

1. Ажнюк Б. М. Мовна єдність нації: діаспора й Україна / Б. М. Ажнюк. — К.: Рідна мова, 1999. — 450 с.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.
3. Баранник Д. Х. Українська мова на порозі XXI століття / Д. Х. Баранник // Дослідження з лексикології і граматики української мови: зб. наук. пр. — Дніпропетровськ: Навч. кн., 2000. — С. 7–15.
4. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю: пер. с фр. / Ж. Вандриес. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 409 с.
5. Говердовская Е. В. Лексические новации в сфере имён существительных современного русского литературного языка / Е. В. Говердовская // Русский язык в школе. — М., 1992. — № 3–4. — С. 44–48.
6. Говердовский В. И. Идеологическая коннотация, речевая практика и лексикография / В. И. Говердовский // Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике: науч. сб. — Саратов, 1986. — С. 58–69.
7. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1976. — 356 с.
8. Клобуков Е. В. Активные процессы в грамматике и лексике современного русского языка / Е. В. Клобуков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1997. — № 5.
9. Матвіас І. Варіанти української літературної мови / І. Матвіас; Ін-т укр. мови НАН України. — К.: Велес, 1998. — 162 с.
10. Москальская О. И. Норма и варьирование в современном немецком литературном языке / О. И. Москальская // Иностранные языки в школе. — М., 1967. — № 6. — С. 2–14.
11. Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке / Р. П. Рогожникова. — М.: Просвещение, 1966. — 160 с.
12. Чичка Хв. Мовні поради Хведосія Чички. — Львів, 1996.
13. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М.: Просвещение, 1972. — 469 с.
14. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. — 4-е изд. — М., 1941. — 288 с.
15. Ярцева В. Н. Развитие национального английского литературного языка / В. Н. Ярцева. — М.: Наука, 1969. — 310 с.
16. Щетинкин В. Е. О морфологических вариантах во французском языке / В. Е. Щетинкин // Тезисы докладов науч. конф. I МГПИИЯ. — М., 1965. — С. 91–93.
17. *Mały słownik języka polskiego* / [red.: S. Skorupka, H. Auderska, Z. Łempicka]. — 1-e wyd. — Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1968.

References

1. *Azhnyuk B. M.* Movna yednist' natsii: diaspora i Ukraina / B. M. Azhnyuk. — K.: Ridna mova, 1999. — 450 s.
2. *Akhmanova O. S.* Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii / O. S. Akhmanova. — M.: Uchpedgiz, 1957. — 295 s.
3. *Barannyk D. Kh.* Ukraïns'ka mova na porozi XXI stolittya / D. Kh. Barannyk // Doslidzhennya z leksykologii i gramatyky Ukraïns'koï movy: zb. nauk. prats'. — Dnipropetrovs'k: Navch. kn., 2000. — S. 7–15.
4. *Vandries Zh.* Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu: per. s frants. / Zh. Vandries. — M.: Sotsekgiz, 1937. — 409 s.
5. *Goverdovskaya Ye. V.* Leksicheskie novatsii v sfere imen sushchestvitelnykh sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Ye. V. Goverdovskaya // Russkiy yazyk v shkole. — M., 1992. — № 3–4. — S. 44–48.
6. *Goverdovskiy V. I.* Ideologicheskaya konnotatsiya, rechevaya praktika i leksikografiya / V. I. Goverdovskiy // Yazyk i obshchestvo. Otrazhenie sotsialnykh protsessov v leksike: nauch. sb. — Saratov, 1986. — S. 58–69.
7. *Karaulov Yu. N.* Obshchaya i russkaya ideografiya / Yu. N. Karaulov. — M.: Nauka, 1976. — 356 s.
8. *Klobukov Ye. V.* Aktivnye protsessy v grammatike i leksike sovremennogo russkogo yazyka / Ye. V. Klobukov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. — 1997. — № 5. — S. 116–124.
9. *Matviyas I.* Varianty Ukraïns'koï literaturnoï movy / I. Matviyas; In-t ukr. movy NAN Ukraïny. — K.: Veles, 1998. — 162 s.
10. *Moskal'skaya O. I.* Norma i var'irovanie v sovremennom nemetskom literaturnom yazyke / O. I. Moskal'skaya // Inostrannye yazyki v shkole. — M., 1967. — № 6. — S. 2–14.
11. *Rogozhnikova R. P.* Varianty slov v russkom yazyke / R. P. Rogozhnikova. — M.: Prosveshchenie, 1966. — 160 s.
12. *Chichka Khv.* Movni porady Khvedosiya Chichky. — L'viv, 1996.
13. *Shanskiy N. M.* Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka / N. M. Shanskiy. — M.: Prosveshchenie, 1972. — 469 s.
14. *Shakhmatov A. A.* Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / A. A. Shakhmatov. — 4-e izd. — M., 1941. — 288 s.
15. *Yartseva V. N.* Razvitie natsional'nogo angliyskogo literaturnogo yazyka / V. N. Yartseva. — M.: Nauka, 1969. — 310 s.
16. *Shchetinkin V. Ye.* O morfologicheskikh variantakh vo frantsuzskom yazyke / V. Ye. Shchetinkin // Tezisy dokladov nauch. konf. I MGPIYa. — M., 1965. — S. 91–93.
17. *Maty słownik języka polskiego* / [red.: S. Skorupka, H. Auderska, Z. Łempicka]. — 1-e wyd. — Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1968.

Будняк Данута Володимирівна, доктор філологічних наук, професор кафедри російської філології та компаративістики Інституту неолології й інтердисциплінарних досліджень Седльського природознавчо-гуманітарного університету; Седльце, Польща; e-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl; тел.: +48-41-332-31-74; моб.: +48-604-456-266

РОЗВИТОК ЛІТЕРАТУРНИХ МОВ У СВІТЛІ ІСТОРИЧНОЇ ЕВОЛЮЦІЇ ТА ВАРІЮВАННЯ СЛОВА У СИСТЕМІ МОВИ

Анотація. У статті йдеться про лексичний склад російської, української та польської мов з точки зору діакронії. Безперервний розвиток лексики пов'язаний із змінами, що відбуваються у громадському, політичному, економічному, науковому та культурному житті суспільства, в якому живуть носії досліджуваних мов. Установлено, що зі змінами соціальних умов життя та розвитком наукових і гуманітарних знань, культури, спорту наприкінці ХХ — на початку ХХІ ст. у країнах основного поширення вказаних мов склад ряду тематичних груп лексики значно змінився. Ряд тематичних груп політичного, господарсько-економічного, культурологічного, наукового та науково-освітнього дискурсів поповнився, з одного боку, чисельними історизмами, з іншого — неологізмами. У мовах, які ми зіставляємо, утворюються одиниці, що називають поняття нових цивілізаційних, наукових, культурних, гуманітарних цінностей усього світу. Виникнення багатьох сучасних неологізмів спричинене поглибленням знань у галузі космосу, комп'ютерної техніки, нових засобів зв'язку і передачі інформації. Вживається лексика, що була раніше на периферії мовної свідомості в пасивному словнику: застарілі слова, що називають відроджені реалії дореволюційної доби, одиниці релігійного дискурсу та ін. В активному запасі української мови нерідко засвоюються слова діалектної мови.

Ключові слова: соціолінгвістика, мова доби соціальних перетворень, історизм, неологізм, активне вживання слова, російська мова, українська мова, польська мова.

Danuta W. Budniak,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor of the Russian Philology and Comparativistics in the Institute of Neophilology and interdisciplinary research of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities; Siedlce, Poland; e-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl; тел.: +48-41-332-31-74; моб.: +48-604-456-266

DEVELOPMENT OF LITERARY LANGUAGES IN THE LIGHT OF HISTORICAL EVOLUTION AND VARIATION OF THE WORDS IN THE LANGUAGE SYSTEM

Summary. The article deals with the lexical composition of Russian, Ukrainian and Polish from a diachronic perspective. Continuous development of vocabulary is motivated by the changes that occur in the social, political, economic, scientific and cultural life of the society in which speakers of Russian, Ukrainian and Polish as native languages live. We have determined that changes in the social conditions of life and the development of science and human knowledge, culture and sport in the late 20th — early 21st century have caused significant changes in many thematic groups of vocabulary in countries of the main distribution of these languages. A number of thematic groups of political, economic, cultural, scientific and educational discourses replenished with many of historicisms and neologisms. In languages that we are comparing, there are units called the new concepts of civilization, scientific, cultural and humanitarian values around the world. The emergence of many modern neologisms was caused by deepening knowledge in the fields of space exploration, computer equipment, new means of communication and information transfer. The lexis employed today used to be on the periphery of language awareness in the passive thesaurus: obsolete words, which are called contemporary revived realities of pre-revolutionary era, religious discourse units, etc. Many words of dialect speech are often assimilated in the modern literary Ukrainian language.

Key words: sociolinguistics, language of era of social transformation, historicism, neologism, the active use of the word, the Russian language, the Ukrainian language, the Polish language.

Статтю отримано 21.07.2013 р.